

Андрей МАКСИМОВ

**ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ
ИЗ ДНЕВНИКА ЖЕНЩИНЫ**

Романс

*По мотивам одноименной повести
Валерия БРЮСОВА*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НАТАЛЬЯ, женщина

МОДЕСТ Никандорович Илецкий, немолодой человек

ВОЛОДЯ, молодой человек

ЛИДОЧКА, кузина

СЛЕДОВАТЕЛЬ, государственный человек

Время действия: начало прошлого века

Место действия: Москва

В пьесе использованы стихи Валерия Брюсова

Темнота.

Луч света высвечивает НАТАЛЬЮ. Она сидит за столом, пишет что-то в тетради.

НАТАЛЬЯ. Зачем люди ведут дневники? Странно... Самим ли захочется вспомнить ушедшие годы или кому-то рассказать о них? Но ведь пишут. И я пишу. А может быть, только с бумагой женщина может быть по-настоящему искренна? С бумагой и Богом. Если с Богом не выходит – так хоть с бумагой.

Постепенно зажигается свет.

Разумеется, декорацию пускай придумывает художник, однако, в том спектакле, который придумываю я на бумаге, стоят огромные, до потолка, раскрытые на зрителя листы тетради, исписанные неровным и неясным женским почерком. Важно: наш рассказ – это дневник женщины, ее исповедь.

Появляются все герои спектакля, петь начинает Володя, остальные постепенно подхватывают:

Я – мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, -
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот все невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненней круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданье захвачен дух.

Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный,
И пламя обовьет меня.

Пока они поют, Наталья продолжает писать. Пишет яростно, темпераментно, периодически активно реагируя на написанное.

В конце романса Наталья откладывает дневник, начинает делать себе маникюр.

Все участники, кроме Натальи, исчезают в темноте.

(продолжая делать маникюр; спокойно). Событие совершенно неожиданное. Мужа нашли убитым в его комнате. Бедный Виктор! Неизвестный мужчина разбил Виктору череп гимнастической гирей, обычно лежащей на этажерке.

Бьют часы.

Взрывается музыка.

(Вскакивая, нервно). Событие совершенно неожиданное! Мужа нашли убитым в его комнате! О Боже! Бедный Виктор! Неизвестный мужчина! Разбил Виктору! Череп! Гимнастической гирей!

Появляется СЛЕДОВАТЕЛЬ с гирей, залитой кровью. Двигается он странно, в некоем полу - пластическом танце. Это не совсем живой человек, это – скорей символ государственных людей, которые вползают, внедряются в жизнь каждого из нас.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Добрый вечер. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, правдивые ответы на которые очень помогут следствию.

НАТАЛЬЯ. Какой добрый вечер?! Что он говорит?! У меня убили мужа... Станный человек... Он допрашивал меня, как будто раздевал...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Думаю, мне не стоит напоминать, что вы должны говорить только правду. Это в ваших интересах. И в интересах государства. Случается, что эти интересы совпадают.

НАТАЛЬЯ. Почему он подозревает, что я буду лгать? Почему?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сколько денег ваш муж хранил дома?

НАТАЛЬЯ. Я не знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Где был ваш муж вчера вечером перед возвращением домой?

НАТАЛЬЯ. Я не знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С кем ваш муж чаще всего встречался в последнее время? Назовите, пожалуйста, имена, фамилии, адреса.

НАТАЛЬЯ. Я не знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто приходил к вашему мужу в последние два дня?

НАТАЛЬЯ. Я не знаю, не знаю!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как странно вы жили с мужем... Вы ничего о нем не знаете.

НАТАЛЬЯ. Мне было неинтересно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Для чего же жить с человеком, если он вам настолько не интересен? Может быть, вы хотя бы подозреваете кого?

НАТАЛЬЯ. Я не знаю...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Забавно... Мадам, мы живем в такое время, и в таком мире: у каждого, уверяю вас, есть враги. Если у человека вовсе нет врагов – значит, он не человек, а дерево, шелестящее на улице. Впрочем, и на

дерево всегда найдется свой дровосек. Кто бы мог быть дровосеком вашего мужа?

НАТАЛЬЯ. Я не знаю... Я... А, вот... Может быть, политические враги? Да-да, конечно. Виктор был крайне правым. Я имею в виду: по убеждениям. Когда бастовали фармацевты, он ходил работать в аптеку. И вот тогда нам прислали письмо – анонимное, заметьте – в котором угрожали Виктора убить!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Из-за политики? Интересно... Мужа такой красивой женщины... Фармацевты хотели убить из-за политики. Интересно... Скажите, а вас не пугают одинокие вечера, из которых, собственно, теперь и будет состоять всю ваша жизнь? Серые, одинокие, одинаковые вечера...

НАТАЛЬЯ. Этот вопрос тоже имеет отношение к расследованию убийства моего мужа?

Следователь порывается что-то ответить, но раздумывает, молча кланяется, направляется к выходу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не уверен, что мне будет позволительно скрасить ваши вечера, однако, мы теперь будем часто видеться. Служба. (*Уходит*).

НАТАЛЬЯ. Господи, ну, почему эти мужчины все такие одинаковые? Неужели Тебе самому было не скучно создавать столь одинаковых людей?

Входит ЛИДОЧКА.

ЛИДОЧКА. Пришел твой этот... Модест... Толстый такой, как будто потный...

НАТАЛЬЯ. Что с тобой, Лидочка? Как ты можешь так говорить о Модесте Никандоровиче? И потом я просила: никого в дом не пускать. Ты что, позабыла, что у меня – траур?

ЛИДОЧКА. Ага. Его непустишь... Прет, как пьяный грузчик в трактир.

НАТАЛЬЯ. Лидочка, да что с тобой, наконец?

Махнув рукой, Лидочка уходит и сталкивается с вошедшим МОДЕСТОМ.

МОДЕСТ (*в сторону Лидочки*). Наглая какая у тебя кузина! Совершенно невоспитанная девица! Что из нее вырастит?

НАТАЛЬЯ. Тоже, что и из всех нас! Модест Никандрович, у меня, как вам известно, траур, и мне не очень ловко принимать постороннего мужчину в своем доме.

МОДЕСТ (*перебивает*). Талия, что с тобой? Это что – я посторонний мужчина? Какой траур? О чем ты? Бог покарал этого человека, твоего мужа, и теперь, наконец-то, мы можем быть с тобой вдвоем.

НАТАЛЬЯ. Модест Никандрович, я просила вас не переходить со мной «на ты» в моем доме... Есть же ведь какие-то приличия... Мой муж... Мой бедный Виктор... Его труп... О Господи! Всего час, как он покинул этот дом, а ты...

МОДЕСТ. О чем ты, Талия?! Я люблю тебя, и ты это знаешь! Мне было так ужасно делить тебя с человеком, который был недостойн тебя!

НАТАЛЬЯ. Модест, опомнись! Так пользоваться смертью неблагородно, в смерти всегда есть тайна, а в тайне – святость. Как ты можешь?

МОДЕСТ (*пытаясь обнять Наталью*). Я всегда ненавидел твоего мужа, и скрывать этого не собираюсь! Да и за что, собственно, мне было любить этого чопорного, скучного, как канцелярское перо, человека!

НАТАЛЬЯ. Модест, я умоляю тебя! Его запах еще не выветрился из этого дома, его голос...

МОДЕСТ (*перебивает*). Господь наказал его за то, что он не понял тебя, не понял, какое сокровище было ему дано! Этот человек был недостойн жизни...

НАТАЛЬЯ. Перестань! Не забывай: ты говоришь о человеке вместе с которым мы стояли у алтаря!

МОДЕСТ. Это обстоятельство, однако, никогда не мешало нам с тобой...

НАТАЛЬЯ (*перебивает*). Не смей оскорблять меня! Да еще в такой день! Уходите отсюда, Модест Никандрович!

МОДЕСТ. Ты гонишь человека, который не мыслит своей жизни без тебя?! Который отдал тебе все – душу свою, сердце, помыслы, жизнь, наконец?! Ты гонишь меня?

НАТАЛЬЯ. Вон отсюда! Ты думаешь только о себе! Неужели ты не понимаешь, что компрометируешь меня? В конце - концов, это бесчестно!

МОДЕСТ. Разрешите мне остаться, Талия?!

НАТАЛЬЯ. Ты с ума сошел? Вон отсюда!

МОДЕСТ. Талия...

НАТАЛЬЯ. Вон! Вон! Вон! – я сказала.

Модест убегает.

Так не люблю этих скандалов... Понятно, что наша размолвка, конечно, не будет долгой. В следующий раз мы встретимся, как если бы не было никакой ссоры. Есть в существе Модеста что-то для меня несказанно привлекательное, и я не сумею лучше определить это «что-то», как словами: ледяная ог-

ненность. Да, да, это хорошо: ледяная огненность. Крайности темперамента так причудливо сливаются в его душе... Однако, надо заняться делами. *(Кричит)*. Эй, кто там?! Проследите, чтобы все зеркала занавесили черным! И не какой-нибудь дрянью, а именно тем самым красивым шелком, о котором я просила. Волнистым. Непременно красивым, волнистым!

*Входят люди, меняют обстановку.
Действует нервно, нагло, посмеиваясь.*

(во время перестановки). Эту предпохоронную суету вспоминаю, как один тягостный кошмар... Дни слились... И главное, совершенно не понятно, сколько еще все это продлится, ведь похороны, ввиду вскрытия тела, отложены... Бедный Виктор... Модест ни разу за эти дни не заехал ко мне – странный человек... Но не стану же я обращаться к нему первой? Что ж мне было делать? Я не отказала себе в маленьком развлечении и на час поехала к Володе.

Появляется ВОЛОДЯ с гитарой в руках, поет:

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья – дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты,
Мгновенья делались короче,
И было в мире – я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространстве две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

(говорит во время его пения). Люблю ли я Володю? Вряд ли... Скорей, в нем мне нравится мое создание. Какой же он был дикий, когда мы встретились с ним в Венеции: только политика и была на уме, всякие глупые перевероты. Теперь – другое... Говорят, можно видеть, как растет трава. Я воочию лицезрела, как преображалась и душа юноши и его лицо. Его чувства становились сложнее, мысли – тоньше. Мужчины вообще думают о политике, только, если рядом с ними нет настоящей женщины. А потом! Ведь он сознался – да и не трудно было догадаться! – что я была первой женщиной, которой он отдался. Я выпила его невинность. Я для него – символ женщины, воплощение страсти. Любовь он может представить лишь в моем образе.

ВОЛОДЯ. Какая ты добрая, что пришла. Я думал, что не увижу тебя много, много дней. Неужто ты любишь меня на самом деле?

НАТАЛЬЯ. Люблю, люблю, люблю... *(В сторону)*. Ах, как сладко повторять это слово... *(Володе)*. Люблю за твою наивность, за слезы в твоих глазах, за то, что ты – тонкий, как стебель. Люблю!

ВОЛОДЯ. Какое счастье слышать все это! Но ты... Ты ведь теперь свободна... И мы сможем встречаться чаще, да?

НАТАЛЬЯ. Глупенький, время ли сейчас думать об этом? Мой муж еще не похоронен.

ВОЛОДЯ. Я такой бестактный, прости... Я просто... Я... Я так счастлив, что нашел человека, которому могу отдать всего себя, без остатка. Знаешь ли, что вне тебя меня нет...

НАТАЛЬЯ. Какой ты трогательный, Володя.

ВОЛОДЯ. Ты меня, правда, любишь?

НАТАЛЬЯ. Зачем ты все время спрашиваешь?

ВОЛОДЯ. Чтобы поверить. В это очень трудно поверить. Любишь?

НАТАЛЬЯ. Люблю, люблю, люблю... *(В сторону)*. Ах, какое все-таки красивое слово!

ВОЛОДЯ. Останься у меня, пожалуйста. Ненадолго. Хотя бы на пол часа. Молю: останься.

НАТАЛЬЯ. Нет, мой милый, это невозможно. Ты сам понимаешь, сколько у меня сейчас дел, как я...

ВОЛОДЯ *(перебивает)*. Какие могут быть дела, когда любовь?

НАТАЛЬЯ. Володенька, это невозможно. Сейчас это невозможно...

ВОЛОДЯ *(обнимая Наталью)*. Ну, почему, почему, почему? Всего на пол часа – умоляю.

Поцелуй.

НАТАЛЬЯ *(резко встав)*. Быть может, это дурно, что я изменяю праху своего мужа. После поездки к Володе у меня осталось в душе какое-то темное чувство неловкости. Странно, но я никогда не испытывала этого, изменяя живому. Да, все-таки у смерти есть некая таинственная власть.

Полный свет.

Звучит траурная музыка, движется скорбная процессия: впереди – на тележке – окровавленная гиря, рядом с которой лежит шляпка с черной вуалью. За тележкой, склонив головы, идут: ЛИДОЧКА. МОДЕСТ, СЛЕДОВАТЕЛЬ. Наталья подходит к тележке, надевает шляпку, и присоединятся к процессии. Следом присоединяется и Володя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Количество подозреваемых сужается. Резко сужается... Да, кстати, выяснялось, что покойный все свое состояние описал супруге: она теперь богатый человек. Процентными бумагами и акциями разных предприятий у нее оказалось 250 000 рублей. Это, доложу я вам, серьезная

сумма. Ради такой суммы некоторые люди... Да... На что только ни шли и ради цифр с куда меньшим количеством нолей.

НАТАЛЬЯ. Так странно ощущать себя богатой женщиной, так непривычно... Ну, а что сказать про похороны бедного Виктора? Описывать их было бы скучно. Все говорили, что в трауре я была очень эффектна.

Неожиданно взрывается музыка: танго.

Наталья попеременно танцует то с Модестом, то с Володей.

Следователь и Лидочка наблюдают за этим странным, почти мистическим танцем.

Наталья снимает шляпку с вуалью, отдает Модесту.

Следователь, Модест и Володя уходят.

Перед самыми похоронами у меня было объяснение с Модестом. Он кротко просил прощения за свое нелепое поведение в день убийства и просил провести с ним целый день. Как я могла ему отказать? Да и мне самой, после всего пережитого, так было сладостно на день перенестись в другой мир: уехать на природу. Я уже надела шляпку, как вдруг вмешалась Лидочка.

ЛИДОЧКА. Милая, хорошая Наташа, позволь мне ехать с тобой? Пожалуйста. Я буду такая счастливая с тобой.

НАТАЛЬЯ. Девочка моя, я хочу побыть одна, я хочу отдохнуть.

ЛИДОЧКА. Как ты не понимаешь, что тебе попросту неприлично уезжать на целый день из дому одной. У тебя ведь траур.

НАТАЛЬЯ. В своем ли ты уме, Лидочка? Это уж вовсе не твое дело.

ЛИДОЧКА. Как не мое? Как?! Ты ведь моя сестра, и я не хочу, чтобы о тебе отзывались дурно!

НАТАЛЬЯ. Девочка моя, я – взрослый человек, который сам может...

ЛИДОЧКА *(не слушая ее)*. К тому же, ты ведь не одна поедешь, не одна! Я это наверное знаю! Ты поедешь с этим толстым, с этим ужасным Модестом!

НАТАЛЬЯ. Лидочка, да что с тобой, наконец? Что ты позволяешь себе, милая моя?

ЛИДОЧКА *(истерично)*. А то, а то, а то и позволяю! Ну, почему тебе так нужны эти мужчины? Почему? Отчего ты не можешь без них обойтись? Почему они тебе важнее, нежели я? Отчего? Кто они такие вообще, эти мужчины, что вы, что вы... *(Не может найти слов, плачет)*.

НАТАЛЬЯ *(в сторону)*. Ну, могла ли я уехать, оставив Лидочку в таком неясном состоянии? Видимо, настало время поговорить с ней серьезно. *(Лидочке)*. Сядь, девочка моя. Запомни, друг мой: ты мне важнее всех на свете. Я, может быть, никогда и никого не буду любить так, как тебя... Бог

мой, ты так быстро выросла – я даже не заметила. Однако, если ты выросла, значит, я состарилась.

ЛИДОЧКА. Неправда! Ты – самая молодая, самая красивая, ты...

НАТАЛЬЯ. Спасибо тебе, девочка моя. Ты спрашиваешь меня про мужчин? Ну, что ж... Ты выросла, и, значит, скоро мужчины захотят играть тобой. Мужчины не умеют любить. Что тут поделаешь? Бог не дал им этого таланта. Они хотят видеть в нас игрушки. Что поделать, если так устроен мир? Что же нам остается? Только лишь выбирать те руки, которые будут нами играть. Вот и все.

ЛИДОЧКА. А что – по-другому нельзя?

НАТАЛЬЯ. Как?

ЛИДОЧКА. Ну, вообще по-другому. Чтобы – жить, чтобы – любить, а не играть. Так не бывает?

НАТАЛЬЯ. Это очень серьезный разговор, Лидочка. В жизни женщины, запомни, нет ничего важнее любви. Об этом надо говорить долго и подробно, а я тороплюсь. Ты иди к себе. Я и так сказала немало – тебе будет о чем подумать.

Лидочка понуро уходит, но у самой двери останавливается.

ЛИДОЧКА. Ты – умная, Наташа, очень умная. И прекрасная. Я тебя очень люблю. Однако, в том, что ты сказала есть что-то очень неправильное. Что-то очень порочное. Не могу уразуметь до конца, что именно, но что-то почти ужасное. Ужасное! (*Уходит*).

НАТАЛЬЯ. Лидочке удалось испортить мне настроение. Особенно неприятным мне показалось то обстоятельство, что она вот так вот быстро повзрослела. Я даже посмотрела на себя в зеркало, дабы убедиться - не слишком ли я состарилась. Надо постараться меньше улыбаться – от улыбок, говорят, появляются морщины. Однако, настроение мое исправилось, едва я увидела Модеста.

Входит МОДЕСТ. В руках у него – ракетки для бадминтона.

Возникает шум леса, пение птиц.

Модест и Наталья играют в бадминтон.

МОДЕСТ. Мне надо сказать тебе, Талия, нечто очень важное. Самое важное из всего, что я говорил тебе в жизни.

НАТАЛЬЯ. Не пугай меня! Я боюсь важных слов. Они, чаще всего, скучны и нелепы. Люди называют важными словами всякие нелепицы, а потом верят им. Смешно!

МОДЕСТ. Нет, это серьезно, Талия. Речь идет о вещах нешуточных и значительных. Может быть, самых серьезных в нашей жизни.

НАТАЛЬЯ (*смеясь*). Неужто ты хочешь мне сообщить нечто более важное и серьезное, чем этот прекрасный лес? Эти чудесные птицы? Этот воздушный, прелестный день?

Модест перестает играть, и, сделав серьезное лицо, подходит к Наталье.

МОДЕСТ. Ответь мне со всей откровенностью и со всей решимостью: любишь ли ты меня?

НАТАЛЬЯ. Зачем ты спрашиваешь о том, о чем сам знаешь? Конечно: да, конечно: люблю.

МОДЕСТ. Любишь ли ты меня одного?

НАТАЛЬЯ. Да, Модест, я люблю тебя одного.

Модест отходит от Натальи, ходит некоторое время, задумчиво поигрывая воланом.

(*в сторону*). После молчания Модест опять спросил меня что-то подобное, и я опять, не споря, дала ему условный, стереотипный ответ. И тогда...

МОДЕСТ. Талия! Когда в тот день я начал говорить с тобой о перемене, произошедшей в нашей жизни, ты мне приказала замолчать. Но я должен сказать тебе, что я думаю, потому что от этого зависит для меня все. Я знаю, что ты любила многих и до меня, и что для тебя я был просто новой, интересной игрушкой...

НАТАЛЬЯ. Модест, это не так... Я...

МОДЕСТ. Молчи. Дай мне сказать. Я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя. Люблю по-настоящему, любовью ожесточенной и неограниченной.

НАТАЛЬЯ. Ожесточенной и неограниченной?

МОДЕСТ. Да! Скажи мне, что мои чувства дики и примитивны, я все одно - не отрекись от них. Люблю тебя, как любит простой человек, не мудрствующий над любовью; как любили в прежние века, и как сейчас любят всюду, кроме нашего, так называемого, культурного общества, умеющего только играть в любовь.

НАТАЛЬЯ. Играть в любовь? Как ты хорошо говоришь сегодня, как правильно...

МОДЕСТ (*не слыша Наталью*). Со всей наивностью я хочу обладать тобою вполне, иметь над тобой все права, какие можно. До сих пор мысль о том, что нас что-то разделяет, что к тебе прикасается другой мужчина, что нашу любовь мы принуждены прятать, приводила меня в ярость и отчаянье. Теперь, когда вдруг все переменялось, у меня не может быть другого жела-

ния, как взять тебя совсем, увериться, что отныне ты – моя, и моя – навсегда.

Молчание.

НАТАЛЬЯ. Давай продолжим игру. Пожалуйста.

МОДЕСТ. Что? Какую игру?

НАТАЛЬЯ. Ну, в волан, конечно. Кидай!

Модест кидает волан: игра продолжается.

Но Модест все делает автоматически, видно, что он очень поглощен своими мыслями.

МОДЕСТ. Но если ты, как только что сказала, меня любишь, у тебя не может быть иного желания, как сказать мне: хочу быть твоей навсегда, возьми меня.

НАТАЛЬЯ. О Господи, ты что же делаешь мне предложение?

МОДЕСТ. Да. Я, наконец, могу сказать тебе то, что мечтаю сказать уже долгое, долгое время: я предлагаю тебе быть моей женой.

НАТАЛЬЯ. Не слишком ли рано, через десять дней после смерти мужа?

МОДЕСТ (*прекращая игру*). Если все это было игрой в любовь, скажи мне откровенно, Талия, я уйду. Если же ты хочешь моей любви, я требую – слышишь, требую! – чтобы ты стала моей женой.

НАТАЛЬЯ (*в сторону*). Есть слова, которые я не могу переносить. Например, слово «требую»... Но мне так не хотелось ссориться с Модестом... (*Модесту*). Милый мой, хороший, ты ведь понимаешь, что такие решения не принимаются так скоро.

МОДЕСТ. Понимаю. Я даю тебе месяц, чтобы ты все обдумала. Один короткий месяц – не более.

НАТАЛЬЯ (*дурачась*). Слушаюсь. (*Серьезно*). Однако, какая тебе корысть, Модест, если я стану твоей женой? Уж коли я обманывала Виктора с тобой, отчего ж я не буду обманывать тебя с другим?

МОДЕСТ. Тогда я убью тебя. Его и тебя. Вот и все.

Появляется СЛЕДОВАТЕЛЬ и, молча, следит за происходящим.

НАТАЛЬЯ. Полно, глупый, что ты? Убить может дикарь, пьяный мужик, прежде могли рыцари и итальянские синьоры. Ты же убить не способен.

МОДЕСТ. Современный человек должен уметь делать все: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сцене и убивать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (в сторону). Ах, если бы можно было арестовывать людей за их слова! Половина России уже сидело б в тюрьме... (Смеется).

Следователь, смеясь, подходит к Модесту, берет ракетку из его рук, прикладывает ракетку к его лицу.

Модест смотри на нас как бы сквозь решетку.

Следователь уводит Модеста.

МОДЕСТ (уходя). Итак, месяц, Талия. Запомни: один короткий месяц!

Следователь и Модест уходят.

НАТАЛЬЯ. Поездка с Модестом оставила в моей душе неприятное впечатление. Я злилась, в основном, оттого, что никак не могла решить: требования его дерзки или же смешны? Я ходила по своей комнате, размышляя над этим вопросом... О Боже! Как мне стал отвратителен мой дом, - дом, из которого еще не выветрился запах смерти! «Хоть бы пришел ко мне кто», - подумала я, и тут прибежала Лидочка и сообщила, что пришел Володя. Я из-за всех сил старалась не показать, как обрадована этим сообщением.

Наталья еще говорила, а ЛИДОЧКА уже вошла: топчется у дверей, пытаясь унять нервы.

ЛИДОЧКА. Я так хотела поговорить с тобой об утреннем нашем разговоре, но – нет. Конечно – нет. Теперь к тебе молодой мужчина пришел. Ты же сама все про этих мужчин рассказывала. Ну, чего они тогда к тебе все ходят да ходят?

НАТАЛЬЯ. Мы всенепременно продолжим с тобой наш утренний разговор, - он важен. Однако, я прошу тебя запомнить навек: никогда – слышишь, никогда! – не вмешивайся в мою жизнь.

Лидочка обиженно отворачивается и уходит. В дверях сталкивается с ВОЛОДЕЙ. Он входит решительно, держа за гриф гитару.

НАТАЛЬЯ. Милый, что случилось? Ты впервые пришел ко мне домой. Что? Что?

ВОЛОДЯ. Да нет, не волнуйся: все в порядке... Просто... Просто я не видел тебя так давно. Я очень соскучился.

НАТАЛЬЯ. Мой милый, мой смешной, мой трогательный мальчик! Мы не виделись-то всего неделю: какие пустяки!

ВОЛОДЯ. Нет, не пустяки! Мне стало не хватать тебя, как в подземелье не хватает воздуха. Дай мне подышать тобой...

Наталья смотрит: нет ли кого за дверью, запирает дверь, подходит к Володе.

Следует длинный, страстный поцелуй.

Я... Я... Я должен, наконец, поговорить с тобой серьезно.

НАТАЛЬЯ (*в сторону*). От чего это мужчины так любят эти серьезные разговоры? Зачем нужно обязательно разговаривать, когда итак все понятно? (*Володе*). О Боже мой! Может быть, не сейчас?

ВОЛОДЯ. Сейчас. Именно сейчас.

Наталья приближается к Володе, пытается его обнять.

Нет... Нет... Послушай... Я решил сказать... Послушай... Ты теперь – свободная женщина. Так рассудил Господь. Итак, скажи: любишь ли ты меня?

НАТАЛЬЯ (*со вздохом*). Да. Да. Конечно.

ВОЛОДЯ. Любишь ли ты меня одного?

НАТАЛЬЯ. О чем ты спрашиваешь? Разумеется...

ВОЛОДЯ. Так отчего бы нам не уехать за границу вместе? Вдвоем?

НАТАЛЬЯ. Тебе-то здесь чем плохо?

ВОЛОДЯ. Пойми: я устал скрывать нашу любовь. Подумай сама: разве бываем мы здесь – вместе? Только тайно... А любовь переполняет меня, разрывает. Вот ты говоришь, что любишь меня одного, но ведь я понимаю, что тебе здесь невозможно открыто признаться в своей любви ко мне. У тебя здесь столько дел, связей, всевозможных отношений. А я – еще мальчик, тебя могли бы осудить. Но ведь где-нибудь, скажем, в Италии, где нас никто не знает, мы могли бы жить друг для друга. Наша жизнь стала бы осуществленной сказкой... Это очень серьезно. Ты можешь не отвечать мне сразу – подумай. (*Не в силах сдержать эмоции, начинает наигрывать на гитаре*).

НАТАЛЬЯ (*в сторону*). Он очень мил, как маленькая подробность жизни, но если бы мне опять пришлось провести с ним вдвоем несколько недель, я бы зачахла от тоски и однообразия. Конечно, лимонная вода и шипучий нарзан приятны между двумя блюдами, но смысл ужину придают густое нуи и замороженное ирруа.

ВОЛОДЯ. О чем же ты задумалась, родная?

НАТАЛЬЯ. Я?... О чем?... О том, какой ты все-таки хороший, и как ты здорово все придумал!

ВОЛОДЯ (*отбросив гитару*). Так мы едем?

НАТАЛЬЯ. Конечно, милый, непременно. Но - позже.

ВОЛОДЯ. Когда же? Когда?

НАТАЛЬЯ. Ну, например... Через полгода. Согласись, что мне нужно, как минимум, шесть месяцев, да бы уладить все дела с наследством.

ВОЛОДЯ. Но у тебя же есть друзья, которые могли бы этим заняться, родственники. Мать, наконец.

НАТАЛЬЯ. Я не могу поручать это маман, потому что знаю наверное, что она обворует меня.

ВОЛОДЯ. Тогда – конечно. Хорошо. Я буду ждать. Но я хочу, чтобы ты знала: я смогу жить только в том случае, если уверен, что принадлежу тебе одной. Я убью... себя... если узнаю, что ты принадлежишь другому.

Появляется СЛЕДОВАТЕЛЬ и, молча, следит за происходящим.

НАТАЛЬЯ. Глупый, маленький мальчик, как же ты жил до сих пор, куда был жив мой муж?

ВОЛОДЯ. Но ведь ты не любила его, правда? Это была просто случайность, что ты встретила его раньше меня.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (в сторону). Я много размышлял над тем, кто есть таков влюбленный человек. Разумеется, не ради экзерсисов ума раздумывал я над этим, но профессиональная деятельность диктовала мне необходимость отыскать ответ на сей вопрос. Так вот, я понял: влюбленный – это тот, для кого мир сужается до пределов одного человека. А уж коли мир для него не значим, то он может сотворить с этим миром, что угодно, и с любым человеком из этого мира – также. Потому-то влюбленные и уголовники столь похожи. Забавно, правда? *(Смеется).*

Следователь, смеясь, подходит к Володе, берет гитару из его рук, прикладывает ее к лицу Володи так, что Володя смотрит на нас как бы сквозь решетку гитарных струн. Следователь уводит Володю.

ВОЛОДЯ (уходя). Итак, шесть месяцев, родная. Запомни: шесть коротких месяцев.

Следователь и Володя уходят.

НАТАЛЬЯ. Месяц – Модесту, шесть месяцев – Володе. Интересно, что я отвечу, когда сроки истекнут? Не брошу ли просто-напросто и маленького ревнивца, и художника - дьявола? Любовь и страсть, разумеется, прекрасны, но свобода – лучше вдвое!

Раздается стук в дверь.

Кто еще?

Входит ЛИДОЧКА. Вид у нее испуганный. В руках у Лидочки – конверт.

Что опять случилось, дорогая?

ЛИДОЧКА. Тебе пришло какое-то странное письмо.

НАТАЛЬЯ. От чего же странное?

ЛИДОЧКА. Обратного адреса нет. И потом – от него веет чем-то странным. Я тебе наверное говорю.

НАТАЛЬЯ. Что это еще за «веет странным»? Сейчас все выясним.
(Читает письмо раз, потом – другой, ухмыляется зло, рвет письмо, обрывки кидает на стол)

ЛИДОЧКА. Что там?

НАТАЛЬЯ. Глупости. Какой-то - как он сам подписался «Доброжелатель» - пишет, будто знает, кто убил моего мужа, и предлагает мне, если я желаю проникнуть в эту тайну, вступить с ним в соответствующие переговоры.

ЛИДОЧКА. Зачем же ты порвала письмо? Надо было отдать его следователю. Вдруг бы оно помогло делу? Ты разве не хочешь узнать, кто убил твоего мужа?

Резко гаснет свет.

В луче прожектора Наталья подходит к столу, начинает, как пасьянс раскладывать обрывки писем.

Второй луч освещает СЛЕДОВАТЕЛЯ, который медленно пересекает сцену - везет, лежащую на тележке, окровавленную гирю.

НАТАЛЬЯ. Как странно... Но меня почему-то несколько не занимает вопрос, кто убил моего мужа. Виктор как-то совершенно бесследно исчез из моей души. Словно с аспидной доски тщательно стерли влажной губкой то, что было написано на время. Порой, я совсем забываю, что почти шесть лет жила с мужем, что у нас был ребенок...

Следователь останавливается, берет гирю, качивает ее, словно ребенка.

Был ребенок...

Наталья делает жест, как бы выгоняя Следователя – словно и вправду стирая свои воспоминания.

Следователь быстро убегает.

Положим, я, действительно, не любила Виктора, но каким же все-таки он был ничтожеством, если так легко оказалось вынуть его и из моего настоящего, и из памяти о прошлом, и из мечтаний о будущем!

Полный свет.

ЛИДОЧКА. Ты разве не хочешь узнать, кто убил твоего мужа?

НАТАЛЬЯ. Как же ты можешь так говорить? Конечно – хочу. И узнаю. Я уверена: мы всенепременно узнаем имя подлого убийцы!

ЛИДОЧКА. Я верю тебе, Наташа. Ты сможешь. Ты ведь такая сильная. Женщина ведь должна быть сильной, правда?

НАТАЛЬЯ. Если у нее нет иного выхода, то должна.

ЛИДОЧКА. А я вот не в нашу порода... Я слабая, а вы – сильные. И ты и твоя мама. Может, поэтому я так и люблю вас. Обоих.

НАТАЛЬЯ. Никогда – слышишь? – никогда не сравнивай меня с моей матерью.

ЛИДОЧКА. От чего же?

НАТАЛЬЯ. Ты разве не знаешь, что для меня нет ничего более ненавистного, чем понятие - мать?

ЛИДОЧКА. Наташа, я уже слышала от тебя нечто подобное. Но как же ты можешь так говорить?

НАТАЛЬЯ. Могу! Разве ты не знаешь, что я проклиная свое детство? Проклинаю первые впечатления жизни, проклиная свое девичество – балы, гулянья, дачные романы, обмен любовными записочками! Все это было или обманом, подстроенным матерью, или отравлено ее клеветой на жизнь и на людей. Мать готовила меня лишь к одному: к разврату и торговле собой! Как она бесстыдно радовалась, узнав про завещание Виктора! Она вовсе не жалела его! А как отвратительно она оделась на похороны! Ей лишь бы себя выпятить!

ЛИДОЧКА. Наташа, как ты прекрасна, когда гневаешься!

НАТАЛЬЯ. Добрая моя девочка, прелестная моя, как ты умеешь говорить добрые слова! Так никто больше не умеет...

ЛИДОЧКА. Я, правда, нравлюсь тебе?

НАТАЛЬЯ. Конечно.

ЛИДОЧКА. И ты, и ты мне нравишься... Я давно хотела сказать тебе. *(Неожиданно начинает плакать)*. Я люблю тебя, Наташа! Люблю!

НАТАЛЬЯ. И я тебя люблю также. Зачем же ты плачешь от любви ко мне? Я – твоя сестра, и нам ничто не мешает любить друг друга. О чем же твои слезы?

ЛИДОЧКА *(почти в истерике)*. Ты не понимаешь! Не понимаешь! Я люблю тебя иначе! Я в тебя влюблена! Я без тебя жить не могу! Я не хочу, чтобы кто-нибудь владел тобою! От одной мысли об этом мне становится ужасно!

НАТАЛЬЯ (в сторону). Господи, этого еще не хватало. (Лидочке). Что ты, дурочка? Что ты говоришь такое?

ЛИДОЧКА. Ненавижу всех, кто тебя обнимает! Ненавижу толстого Модеста! Ненавижу этого мальчика, который невесть зачем к тебе приходил! Всех их ненавижу! Убей меня, задуши, я больше не могу жить! Не могу!

Лидочка падает, обнимает Наталью за ноги, плачет.

НАТАЛЬЯ. Успокойся, что ты? Кого я люблю? Кого обнимаю? Что ты? Успокойся. Нет ведь никого.

ЛИДОЧКА (также неожиданно успокоившись, совершенно серьезно). Так и знай: если ты станешь целовать этого толстого, потного Модеста я выброшусь из окна на тротуар. Так и знай!

Появляется СЛЕДОВАТЕЛЬ, берет Лидочку на руки, несет к двери.

Мне не нужна жизнь без тебя!

Следователь уносит Лидочку.

НАТАЛЬЯ (вслед). Что ты, девочка, что ты...

СЛЕДОВАТЕЛЬ появляется снова.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (в сторону). Сколько же неожиданностей в этом мире! Да... Чертовски все-таки сложная служба, чертовски... Мало того, что надобно узнать все неожиданности, так еще ведь требуется обобщить, сделать выводы... Очень нелегко, очень. (Наталье). Вы присаживайтесь, будьте любезны. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Наталья садится.

Следователь начинает кружить вокруг нее в своем странном полу танце.

Скажите, у вашей горничной Глаши имеется ли возлюбленный?

НАТАЛЬЯ. Мне нет никакого интереса до амурных дел моей горничной. Поинтересуйтесь у нее сами, ежели вам любопытно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мне до всего любопытно, что может помочь расследованию. Мне, например, весьма любопытно: кто все-таки впустил убийцу в дом? А может быть, кто-то дал ему ключ и он сам вошел...

НАТАЛЬЯ. У вас еще есть ко мне вопросы?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Обязательно. Скажите, будьте любезны, а вам случилось ли принимать кого-либо у себя дома, ночью, без ведома вашего мужа?

НАТАЛЬЯ. Вы не имеете права спрашивать меня о подобных вещах! Я не стану отвечать!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Станете. А что до наших прав, то мы их знаем очень даже хорошо – это уж будьте любезны... Вот тут у меня есть сведения, что в прошлом году вы были в близких отношениях с поручиком Александром Ворсинским, и во время отъезда вашего мужа в Варшаву неоднократно принимали господина Ворсинского у себя, причем, он оставался в вашем доме до позднего часа.

НАТАЛЬЯ. Как вы смеете? Я...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что это вы так встрепенулись? Сядьте, будьте любезны! Правосудию должно быть известно все! Надеюсь, вы не станете отрицать, что позже вы сблизились со свободным художником Модестом Никандоровичем Илецким, который также бывал у вас дома и...

НАТАЛЬЯ (*перебивает*). Вы не смеете так обращаться со мной! Я буду жаловаться!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кому? – позвольте спросить. Кому в России можно жаловаться на правосудие? Что вы такое придумали? Так что уж извольте, пожалуйста, отвечать, коли вас спрашивают. Платице-то у вас какое красивое, Боже мой!.. Так вот о правосудии. Правосудию очень важно было бы знать: был ли кто-либо из ваших... как бы это выразиться точнее?.. ваших знакомцев вполне ознакомлен с расположением вашей квартиры? Был ли?

НАТАЛЬЯ. Говорите прямо: вы что же думаете, что мужа убил мой любовник?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это вы сказали, правда? Вы, а не я. А то все: фармацевты, политика... Нам думать не положено – мы ищем. Такая, видите ли, дьявольски сложная служба: все ищем да ищем. На сегодня достаточно. Но я не прощаюсь. (*Кланяется, и, продолжая свой танец, исчезает*).

НАТАЛЬЯ. Я все поняла: он подозревает меня! Пусть даже не в самом преступлении, но в соучастии – это уж точно! Недостает только, чтобы меня арестовали и посадили в тюрьму: вот будет неожиданная развязка для всех моих запутанных отношений!

Входит МОДЕСТ. Он мрачен. Весь его вид демонстрирует, что Модест настроен решительно.

Модест, случилось ужасное! Меня подозревают в убийстве Виктора!

МОДЕСТ. Случилось нечто, еще более ужасно.

НАТАЛЬЯ. Что такое еще? Ты слышишь, что я тебе говорю: меня подозревают в убийстве мужа!

МОДЕСТ. Глупости... Талия, помнишь ли ты, что говорит у Шекспира Антоний Клеопатре после ее бегства из сражения?

НАТАЛЬЯ. Что?

МОДЕСТ. Я взял тебя обедком с тарелки Цезаря,
И ты была, к тому, еще надкушена Помпеем!

НАТАЛЬЯ. Судя по патетическому началу, ты опять будешь меня в чем-нибудь обвинять. От чего это всем так нравится обвинять меня?

МОДЕСТ. Обвинять? Ну что ж - извольте. Я обвиняю вас том, что вы – лицемерка. Вы обманывали своего мужа со мной, а ныне у меня есть несомненные доказательства, что с другим мужчиной вы также обманывали и меня! Зачем, для чего вы все это делали?

НАТАЛЬЯ. Какие доказательства? Что делала? С каким мужчиной? Опять наслушался каких-нибудь нелепых слухов?

МОДЕСТ. Слухов? Извольте! Мне пришло письмо... *(Достает из кармана конверт, показывает Наталье и прячет обратно)*. Здесь есть верные доказательства вашей связи с каким-то мальчишкой... Как его зовут?.. Петя?.. Саша? Володя?.. А, не важно. По-моему – Володя. Да, вы изменяли мне с каким-то Володей. Зачем ты это сделала, Талия?

НАТАЛЬЯ. Господи, Модест, какой же ты скучный! Я не стану тебе отвечать – это было бы недостойно меня.

МОДЕСТ. Ты даже не отпираешься... Ну, конечно, значит – это правда. Я так и знал... Но почему ты это делала? Почему?

НАТАЛЬЯ. Обойдемся без подобных сцен. Я не намерена разговаривать с тобой в подобном тоне и считаю наш разговор завершенным.

МОДЕСТ. Ну уж – нет. Я хочу знать: зачем ты это сделала?

НАТАЛЬЯ. Модест, не заставляй меня снова выгонять тебя. Два раза выгонять одного и того же мужчину из одного и того же дома – нелепо.

МОДЕСТ. Ты шутишь, Талия? Ты еще можешь шутить? А ты не подумала ли о том, что теперь будет со мной? С моей любовью? С моей душой? Я знал многих женщин, и многие женщины любили меня, но только в твоём проституированном теле, в твоей эгоистичной душе нашел я что-то такое, без чего не могу жить! Я хочу поклоняться тебе, как божеству, и тогда я буду счастлив – потому что буду с тобой!

НАТАЛЬЯ. Ты скучен, Модест! Мужчина, который пытается остановить женщину словами, всегда скучен.

МОДЕСТ. Все кончено. Ты меня не любишь.

НАТАЛЬЯ. Ты так красиво и страстно говорил о своем счастье, друг мой, но ты позабыл: дело ведь не только в том, чтобы ты был счастлив, но, чтобы и я была счастлива также... Не правда ли, мой друг?

МОДЕСТ. Ты растоптала меня, убила. Я побежден...

НАТАЛЬЯ. Закончим этот спектакль, Модест Никандорович... Прощайте!

МОДЕСТ. Но, Талия, я...

НАТАЛЬЯ *(не давая ему договорить)*. Прощайте!

Модест уходит.

Интересно, через сколько дней он вернется ко мне, будет просить прощения и умолять о любви? Через два дня? Завтра? А, может быть, прямо сегодня вечером? Господи, как же скучно! Ведь, что такое скука? Это отсутствие желаний – вот и все. Мне не хотелось идти домой, и я решила пройтись по улицам. Просто пройтись – и все. Без цели. Я так давно не ходила по улицам одна. *(Начинает шагать, и, на протяжении всего монолога, ходит все быстрее и быстрее)*. Это началось сразу. Я едва вышла. Сначала ко мне пристал какой-то старичок, предлагал прокатиться. Я перешла на другой тротуар, и со мной тот час заговорил один из уличных завсегдатаев, соблазняя пятью рублями. Потом догнал какой-то молодой человек в шляпе с большими полями. Потом – проститутка. Потом... Я ничего не делала, я даже не смотрела на них, я просто – шла. А они все подходили ко мне, подходили... Один, другой... Одна, другая... Какой-то странный человек даже встал передо мной на колени и попытался поцеловать мои ноги. Похотливые, скользкие лица мелькали передо мной, а я шла мимо них, задевая своими руками, своими ногами, своей улыбкой... Я потеряла время, я не понимала, где нахожусь. Меня охватил какой-то безумный, почти охотничий азарт. Какое же это прекрасное острое чувство, когда все думают, будто устроили охоту на меня, но я-то точно знаю, кто здесь охотник, а кто – дичь... Я бродила долго, чуть ли не до рассвета, не чувствуя ни усталости, ни голода, лишь азарт, огромный, всепоглощающий азарт. Когда же я, наконец, вошла в свой дом, у самого порога меня встречала Лидочка.

Входит ЛИДОЧКА.

Ты от чего не спишь, девочка моя?

ЛИДОЧКА. Во-первых, я очень волновалась за тебя. Где ты была?

НАТАЛЬЯ. Девочка моя, я никому не позволяю задавать такие вопросы. Но ты так нешуточно взволнованна, что тебе я отвечаю. Представь: я просто бродила по городу. Одна. И это правда.

ЛИДОЧКА. Ты так неумело врешь. Но, мне кажется, я люблю тебя за это еще больше.

НАТАЛЬЯ. Я говорю правду.

ЛИДОЧКА. Ну вот и хорошо, вот и славно. А знаешь ли ты, кто ушел отсюда не далее, как час назад?

НАТАЛЬЯ. И кто же?

ЛИДОЧКА. Модест Никандорович.

НАТАЛЬЯ. Отчего ж это столь взволновало тебя? Видимо, у него было ко мне какое-то дело. Я даже, кажется, догадываюсь, какое именно. Он не застал меня дома. Приедет другой раз. Что ж тут такого?

ЛИДОЧКА. Он был не у тебя. Он был в нашем доме тайно.

НАТАЛЬЯ. Не говори глупости. Как это – тайно? У кого ж он был?

ЛИДОЧКА. У твоей горничной. У Глаши.

НАТАЛЬЯ. Что? Что ты сказала?

ЛИДОЧКА. Да. Я сама видела, как Глаша черным ходом выпускала Модеста Никандоровича. Они что-то говорили очень оживленно, но вполголоса. А уходя Модест поцеловал Глашу, заметь, в губы.

НАТАЛЬЯ. Этого не может быть... Это пошло... Это...

ЛИДОЧКА. Может, может... Видишь как: ты его любишь, а он обманывает тебя с твоей горничной. Вот они – твои мужчины. Я тебя предупреждала. Спокойной ночи, Наташа. Точнее – доброе утро.

НАТАЛЬЯ. Лидочка говорила правду! Я все выяснила у Глаши – та даже не отпиралась. Оказывается, у них давний роман. И вот Модест – мой Модест – поругавшись со мной, приходит за утешением к ней. Какая пошлость! Мерзость! Вот – Модест... Ай да Модест... Он, оказывается, не так прост, как казался. Признаюсь, что это даже интересно. Ну что ж, мне еще надо будет много думать о нем.

Входит СЛЕДОВАТЕЛЬ с окровавленной гирей в руках. На этот раз он использует ее по назначению – прохаживается, как бы делая зарядку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Глаша еще сказала, что в ту ночь, в ночь убийства, Модест Никандорович Илецкий был у нее. Правда, она сама проводила Модеста Никандоровича и закрыла за ним дверь, а уже потом, после этого, слышала шаги Виктора Валерьяновича в своем кабинете. То есть, убийство совершилось после того, как Илецкий вышел из квартиры. Вообще, это Глаша... Вместе с отцом своим письма писала: мол, знаю, кто убийца, мол, знаю, с кем у кого роман... Все деньги пыталась заработать. Горничная – одно слово. Что с нее возьмешь? *(Неожиданно резко).* А ведь Илецкий мог

вернуться тот час с помощью заранее подобранного ключа, а?... (*Смеясь уходит*).

НАТАЛЬЯ. Я поехала к Володе, потому что давно не была у него. К тому же, он прислал мне ужасно нервное, ужасно скучное письмо. Хотя в поступке Модеста было, признаться, что-то азартное, неожиданное, даже интересное, все-таки эта история порядком подпортила мое настроение. Не надо было в дурном настроении ехать к Володе, не надо бы... Но я поехала.

Входит ВОЛОДЯ, держа в руках конверт.

О Господи! Только не говори мне, что в этом письме есть доказательства моей неверности тебе.

ВОЛОДЯ. Это твое письмо.

НАТАЛЬЯ. Но я тебе не писала.

ВОЛОДЯ. А это и не мне вовсе. Это твое письмо Модесту Никандоровичу.

НАТАЛЬЯ. Мило... И как же оно к тебе попало?

ВОЛОДЯ. А мне его сам Модест Никандорович и передал. Он мне все рассказал о тебе. О вас. Все рассказал. Все.

НАТАЛЬЯ. Молодец! Ловко же он решил избавиться от соперника. (*В сторону*). Нет, Модест Никандорович положительно стал интересовать меня всерьез...

ВОЛОДЯ. Соперника... Так ты любишь его?

НАТАЛЬЯ. Что вы все заладили: любовь, любовь... Как будто, вы понимаете, что это такое.

ВОЛОДЯ. Я все понял: ты не любишь меня...

НАТАЛЬЯ. От чего вы все требуете у меня любви? От чего? Разве я давала вам какие-то обязательства? Разве я обещала вам что-то вечное?

ВОЛОДЯ. Наташа, но ведь ты сама говорила...

НАТАЛЬЯ (*перебивает*). Что? Что я говорила еще? Когда я говорила? Да, Володенька, ты и вправду очень нежен, робок, правдив, добродетелен...

ВОЛОДЯ. Я буду стараться стать еще лучше.

НАТАЛЬЯ. Все так, мальчик мой, но мне всего этого мало. Понимаешь ли: мало. Я люблю мужскую силу, страсть, изощренность. Что ты смотришь на меня непонимающе? Если хочешь расставить все точки над *i* – да, я развратна.

ВОЛОДЯ. Зачем же ты так говоришь о себе?

НАТАЛЬЯ. Помолчи ты, ради Бога! Неужели тебе не ясно, что мне нужен мужчина, способный понять меня всю, целиком?! Нет такого одного? Хорошо. Пусть будет два, три, пять! Почему я знаю сколько! Мне надо, чтобы мужчина одолел меня – я рада буду оказаться побежденной. Потому что любовь...

ВОЛОДЯ *(перебивает).* Любовь? *(Сначала говорит Наталье, но очень быстро начинает говорить в зал).* Да как вы только можете говорить о любви? Что вы понимаете в ней? Такие, как вы, исказили смысл этого слова! Вы обратили любовь в какую-то игру в бирюльки! Да, вы постоянно твердите о любви, только и занимаетесь тем, что рассматриваете свое чувство! Но любовь у вас только в голове, и никогда – в сердце! Что такое любовь для вас? Или разврат или математическая задача! Любви, как таковой, вы не понимаете!

НАТАЛЬЯ. Твои слова, мальчик, еще раз доказывают мне, как ты все-таки далек от меня. Ты не понимаешь меня вовсе...

ВОЛОДЯ *(как бы придя в себя).* Я... Что?... Прости... Я...

НАТАЛЬЯ. Послушай, меня, мальчик, если я так изменна, как ты говоришь, то для чего ты требуешь, чтобы я тебя любила?

ВОЛОДЯ. Я... Требую?.. Нет, нет... Прости... Я ничего не требую. Я молю: не уходи.

НАТАЛЬЯ. Я не смогу любить тех, кто стелется у меня под ногами. При всем желании своем: не смогу!

ВОЛОДЯ. Пожалуйста, не уходи.

НАТАЛЬЯ. Ты молод. У тебя вся жизнь впереди. Вернись к своим друзьям – революционерам. Вероятно, они примут тебя вновь в партию заблудшего товарища. Прощай! *(Направляется к двери).*

Володя вскакивает, догоняет Наталью, падает перед ней на колени, преграждая дорогу.

ВОЛОДЯ. Умоляю: останься. Я прошу... Я наговорил какой-то ерунды... Забудь, забудь... Останься.

НАТАЛЬЯ. Ни один мужчина, запомни это, никогда не заставит меня делать то, чего я делать не желаю.

*Володя пытается удержать Наталью.
Она резко вырывается, уходит в угол сцены.
В руках Володи остается ее шаль.*

ВОЛОДЯ. Если ты уйдешь, я убью себя. Так и знай: убью.

Опускает лицо в шаль, плачет.

НАТАЛЬЯ *(не поет, и даже не читает стихи – рассказывает).*

Я – мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, -
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот все невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданье захвачен дух.

Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный,
И пламя обовьет меня.

*Пока Наталья читает, – начинается звучать музыка: танго.
Сначала робко, потом все громче.*

*Услышав музыку, Володя начинает танец – танцует с шалью,
как с женщиной.*

*Выходит МОДЕСТ. Двое мужчин танцуют с шалью, словно с
женщиной. Это не в коей мере не танец двух соперников –
танец зловецкий, страшный.*

Наталья смотрит, чуть улыбаясь.

Выходит СЛЕДОВАТЕЛЬ, держа в руках наручники.

Танец резко обрывается.

Все напряженно смотрят на Следователя.

*Следователь, потрясая наручниками, сначала подходит к
Наталье, смотрит на нее внимательно, отходит.*

*Затем подходит к Володе, обматывает ему шею шалью, и,
как на аркане, уводит.*

Затем подходит к Модесту, раскрывает наручники.

*Наталья хватается Модеста за руку, вытаскивает его на
авансцену.*

Модест, это неправда! Я не могу поверить! Неужто ты убил моего мужа, Виктора?

МОДЕСТ. Я.

НАТАЛЬЯ. Тебя Глаша впустила?

МОДЕСТ. Я сам вошел. У нас с Глашей...

НАТАЛЬЯ. Я знаю...

МОДЕСТ. Она совершенно доверяла мне, и мне не представляло труда украсть у нее ключ от задней двери. В тот вечер... ну, когда все случилось... я был у нее.

НАТАЛЬЯ. Я и это знаю.

МОДЕСТ. Она проводила меня до двери, я вышел... Через четверть часа открыл своим ключом дверь, вошел тихонько... Я очень хорошо знал вашу квартиру и мне не представляло труда найти дверь Виктора.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Все именно так и было. Именно так.

НАТАЛЬЯ (Модесту). Но зачем ты это сделал, зачем?

МОДЕСТ. Оттого, что я люблю тебя.

НАТАЛЬЯ (зло). Любишь? Нет! Это неправда! Теперь-то мне стало окончательно ясно, отчего ты так требовал, чтобы я вышла за тебя замуж. Ты просто хотел тех денег, которые достались мне после мужа!

МОДЕСТ. Клянусь тебе всеми святыми, которые мы с тобой признаем – это не так! Клянусь тебе искусством, любовью, смертью – это не правда. Ты ведь знаешь мою душу, и тебе ведомо, что деньги сами по себе не могут быть для меня соблазном.

НАТАЛЬЯ. Так зачем же ты убил?

МОДЕСТ. Зачем? Затем, чтобы в своей любви дойти до последнего предела. Затем, чтобы сознавать, что из любви к тебе я пожертвовал всем: своей жизнью, своим именем, своей совестью. Я хотел убедиться в своей силе и узнать, достоин ли я обладать тобой. Смерть – это главный ориентир по дороге к любви. Но любви не случилось. Я проиграл: ты отвергла меня. Что мне теперь приговор суда в сравнении с твоим приговором?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вас осудят на десять лет в каторжные работы.

НАТАЛЬЯ. Нет, не правда, нет! Модест, я пришла к тебе! Я пришла!

Модест и Наталья бросаются друг к другу.

Следователь грубо оттаскивает Модеста, застегивает у него на руках наручники, тащит к выходу.

Я люблю тебя! Только тебя!

МОДЕСТ. Поздно, Талия, поздно... Я освобождаю тебя ото всех клятв. Об одном прошу: помни меня!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я обещал вам найти дровосека вашего мужа, и я нашел его. От чего ж вы нервничаете? Напрасно...

Следователь уводит упирающегося Модеста.

НАТАЛЬЯ. Да! Чтобы кто ни говорил, я убеждена: Модест – одна из замечательнейших личностей нашего времени. Да! Он – прообраз тех людей, которые будут жить в будущих веках и соединят в себе утонченность поздней культуры с силой воли и решимостью первобытного человека! Почему он так сделал? Почему он оставил меня? Почему я опять одинока?

Входит СЛЕДОВАТЕЛЬ, держа в руках письмо.

Нет, не надо! Я не люблю писем! В них никогда ничего хорошего не найдешь!

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(протягивая письмо).* Успокойтесь, мадам. Что такое? Письмо – это не более, чем лист бумаги, в котором содержится информация, необходимая для дальнейшей жизни. Информации бояться не след, ибо она есть факты. *(Протягивает Наталье письмо, отходит в угол сцены и оттуда наблюдает за происходящим).*

НАТАЛЬЯ. Я узнала на конверте Володин почерк... *(Достает письмо, начинает читать).* Любимая...

Из темноты возникает ВОЛОДЯ. В руках у него – гитара, через плечо Наташина шаль.

ВОЛОДЯ. Любимая! После того, как ты ушла, я – как это ни странно – успокоился совершенно. Ведь печали навевают нам не трудности жизни, а ее неясности. Нам становится жить легче не тогда, когда наша жизнь наша становится легче, а когда она становится понятней. Любой приговор, который выносит нам жизнь, надо принимать, если не с радостью, то уж, наверняка, с облегчением. Жизнь вынесла мне приговор. Ее больше нет, моей жизни. Ее больше не существует. Прощай! – говорю я и тебе, любимая, и самой жизни. Потому что это для меня это - одно. Ты равна жизни. Потеряв тебя, я потерял жизнь: так просто. Прощай же! – говорю я тебе со спокойным достоинством человека, принявшего решение. Мне стало светло и легко. Я понял: жить после того, как ты, главная и единственная моя святыня, осквернена, - бессмысленно и не нужно. *(Перебирая гитарные струны, поет).*

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья – дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты,
Мгновенья делались короче,
И было в мире – я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространстве две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

НАТАЛЬЯ (*во время пения*). Он же говорил мне, он же предупреждал, что убьет себя... Володя, любимый мой Володя, милый мальчик, сошедший с портрета Ван Дейка! Зачем ты...

Володя обрывает пение, и резко дергает струну – гитара как будто стреляет.

Володя исчезает в темноте.

Наталья бросается в темноту, но в руках у нее остается лишь собственная шаль.

Он написал мне это письмо, а потом выстрелил себе в сердце. Бедный мальчик! Смотреть тело Володи я не поехала, это было бы слишком жестокое испытание для моих нервов. (*Падает на колени, воздев руки к небу*). Господи, ну, разве же я виновата, если люблю и если меня любят? Я ведь никогда не требовала любви. Я искала лишь одного: чтобы те, кто мне нравился, пожелали провести со мной столько-то часов, или дней, или недель. В чем же мой грех?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У вас – горькая жизнь. Когда у красивой женщины столь некрасивая жизнь – это всегда так горько. Вам надобно уехать, мадам, куда-нибудь. На юг Франции, например. У вас есть с кем уехать на юг Франции?

В углу высвечивается ЛИДОЧКА.

НАТАЛЬЯ (*не обращая внимания ни на слова Следователя, ни на появление Лидочки*). Я никак не могу понять: ведь, ежели мне отказывали... Что? Да. Было и такое: мне отказывали... Но я всегда покорялась. Всегда! Я ведь всем предоставляла свободу любить меня или нет, быть мне верным или покидать меня. Я им всем предоставляла свободу, отчего же они...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У вас, мадам, нервы весьма расшатались. Весьма. А человеку с расшатанными нервами не след делать выводов о собственной жизни. Это уж вы моему опыту поверьте.

НАТАЛЬЯ, Нет, вы мне ответьте... Вы, или вы, да кто-нибудь – ответьте мне: отчего мне не дают такой же свободы? А? Что? Все требуют, чтобы я непременно любила такого-то, любила именно так, как ему угодно, и столько времени, сколько ему угодно, - то есть вечно. А ежели я отказываюсь – не из злобы или нежелания, а просто – отказываюсь, - он убивает себя. Достает пистолет и убивает. А весь мир кричит на меня: ты – убийца!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, что вы, мадам, вас никто не обвиняет, что вы? Следствие проведено со всей аккуратностью и тщательностью. Против вас никаких обвинений нет.

НАТАЛЬЯ. Вы тоже не слышите меня! Вы никто не хотите меня слышать!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так это же естественно, мадам. Я давно заметил: не вдруг найдется такой оригинал, который станет слушать красивую женщину. Разве Господь создал красивых женщин для того, чтобы их слушали?

НАТАЛЬЯ. Да, да, да... Мне вот все говорят, что я – красива, и что красота обязывает. Но ведь я не таю своей красоты, как купец, как скряга. Пожалуйста: берите мою красоту! Ради Бога! Разве я кому-то отказывала из тех, кто искренно добивался обладать мною? Но зачем же вы хотите сделать меня своей собственностью и мою красоту присвоить себе? А когда же вырываюсь из цепей, вы называете меня проституткой, и – как последний довод – стреляете себе в сердце.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Господи, мадам, у меня и в мыслях не было называть вас столь ужасно... А что до того, чтобы стрелять себе в сердце из-за дамы? Невозможное дело! Это просто нонсенс какой-то...

НАТАЛЬЯ. Зачем я говорю с вами? Вас ведь тоже нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы изволите?

НАТАЛЬЯ. Кто вы такой? Отчего вы разговариваете со мной? Вас ведь нет... Я это знаю наверное: мужчин не существует, они эфемерны и бессмысленны. Оттого и мир, который вы создали, эфемерен и бессмыслен.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Уж, коли мне нет, так и разрешите откланяться... Позвольте мне пожелать вам счастливого путешествия. Впрочем, мне отчего-то кажется, что мы еще вполне можем повстречаться с вами... (*Уходит*).

НАТАЛЬЯ (*кричит вслед*). Не приведи Бог! Не приведи Бог!

ЛИДОЧКА. Наташа, как ты хорошо говорила, как верно.

НАТАЛЬЯ. Или я безнадежно глупа, или сошла с ума, или это – величайшая несправедливость в мире, проходящая сквозь века.

ЛИДОЧКА. Ты о чем, родная?

НАТАЛЬЯ. Ну, как же: все мужчины тянут руки к женщине и кричат: хочу тебя! Хочу тебя! Но ты должна быть только моей и ничьей больше, иначе ты – преступница. И каждый уверен, что у него все права на каждую женщину, а у той нет никаких прав даже на самое себя.

ЛИДОЧКА. Да, да, Наташа. Так. Это так.

НАТАЛЬЯ. Плоха ли я, хороша ли, но я такова, каковой хотят меня видеть эти эфемерные существа, мужчины, убежденные, что каждое их прикосновение к женщине непременно воспринимается ею, как дар судьбы.

ЛИДОЧКА. Они – дураки, Наташенька. Они просто – дураки.

НАТАЛЬЯ. Все. Решено. Я еду. На юг Франции? Почему бы и нет? Управление своими делами я передам маман. Она ведь хотела разбогатеть с моей помощью? Так пусть же возрадуется теперь! Она сделала меня такой, каковая я есть. И мир радостно принял меня...

ЛИДОЧКА. Не ругай себя, Наташенька, ты – прекрасна. А ты возьми меня с собой? Возьми меня, пожалуйста.

НАТАЛЬЯ. Отчего же? Конечно. Конечно, Лидочка. У меня ведь не осталось никого, кроме тебя. Мы уедем вместе. Почему бы и нет? Конечно. Вместе.

Начинает звучать гитара.

На сцену выходят ВОЛОДЯ, МОДЕСТ, СЛЕДОВАТЕЛЬ.

Они поют, как бы окружая женщин.

Ты женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый стих.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной.
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя.

Трое мужчин образовали некое подобие круга, внутри которого пропали две женщины.

Затемнение

К О Н Е Ц